

МЭДДИ
МОРТИМЕР

КАРТЫ
НАШИХ

ВОСХИТИТЕЛЬНЫХ

ТЕЛ

INSPIRIA

Москва

2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М79

Maddie Mortimer
MAPS OF OUR SPECTACULAR BODIES

Copyright © Maddie Mortimer 2022

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Екатерины Романовой*

Мортимер, Мэдди.
М79 **Карты наших восхитительных тел / Мэдди Морти-
мер ; [перевод с английского Е. Романовой]. — Москва :
Эксмо, 2023. — 512 с.**

ISBN 978-5-04-162305-0

Многогранный, поэтичный, во многом экспериментальный текст дополнен верлибром, стихами, фактами о человеческом теле и статьями, где слова танцуют, обрываются, складываются в картинки и рассыпаются фейерверком.

Роман «Карты наших восхитительных тел» посвящен теме рака.

Это буквально путешествие по жизни героини Лии, рассказанное отчасти голосом ее болезни. Мы узнаем о детстве Лии, непростых отношениях с родителями, первой любви, творческом пути, рождении дочери, о первой встрече с болезнью и окончательном примирении с ней. Неповторимый стиль и особое чувство юмора Мэдди Мортимер делают эту историю трогательной и жизнеутверждающей одновременно.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-162305-0

© Романова Е., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Тебе, мама.

ВРОЗЪ

Глава первая

Я

Я, колкий зудок, намек на комок, расцвел в начале ее начал; не больше капилляра, не умнее дыни канталупы, я глядел в будущее с изрядным оптимизмом. С тех пор прорезаюсь ноющей болью по ее краям. Сладостным мандражом, босым топотком по дощатому полу я проник из того места, откуда она раньше кормила, в самую глубь, в котел ее тела, а по пути так хорошо, так основательно распробовал, расщепил, прожевал и пропитал каждое волоконец, каждую косточку, узелок, складку и трещинку, что теперь чувствую себя как дома.

Допускаю, что со временем факт собственного существования неизбежно должен был вызвать во мне некоторое недовольство. Признать такое нелегко. Паломничество к местам катастроф и стихийных бедствий бодрит лишь до поры до времени, а потом туриста одолевает старое доброе уныние. Хотя древние греки говорили, что вначале была скука. Боги изваяли человека из ее черной безжизненной корки, и это, конечно, обнадеживает.

Сегодня, пожалуй, прогуляюсь по связкам гортани или отстучу что-нибудь на ксилофоне трахеи. Или ради разнообразия устраню последствия сотворенных мною же

ужасов, ибо так устроены человеческие тела: в них очень легко хозяйничать и при этом оставаться незамеченным. Но в конце концов тебя, конечно, заметят. И тогда, конечно, будет худо.

Начало конца

Начало конца запомнилось Лие двумя обстоятельствами.

Первое: очень долго не загорался зеленый.

Второе: никто так и не умер.

Она стояла в одной улице от места своего назначения; ритм города грохотал в пульсе, стремительно надвигался час пик. Все чувства были необычайно обострены, вскрыты — от нервов, наверное. Это радовало. Неплохо для разнообразия ощутить себя такой голой, такой живой, стоя на светофоре в ожидании, когда мир вернется на круги своя.

Мужчина в куцем костюмчике тяжело вздохнул и остановил такси.

Две женщины громко говорили по телефону. Обрывки их бесед вгрызались в загривок: *Я ему сказала, что нельзя просто взять и выключить чувства. Записалась на завтра, на четырнадцать тридцать, в холодильнике есть остатки запеканки — разогрей на ужин. Нет, наличных нет. Да, приду вовремя. Господи, как же мне плохо. Не забудь покормить кошку.*

Лия ущипнула бархатную мочку уха и задумалась о трагедии.

Какой поэт говорил, что непреходящее чувство трагедии помогает человеку пережить короткие периоды радости?

Какой философ писал,
что все трагедии начинаются
с упоительной тишины?

Сегодняшний день был полон шума.

И при этом казалось, что всех вокруг вот-вот постигнет катастрофа.

У женщины, ехавшей мимо на велосипеде, развязался пояс пальто, и пряжка билась о колесные спицы. Известно, что количество аварий с участием велосипедистов стабильно растет на 15 процентов в год. Как раз вчера Лия прочла в газете, что более 4500 таких случаев заканчиваются смертью или тяжелыми увечьями. В городе ни на минуту не прекращается забой слабых, неприспособленных особей; горе подстерегает на каждой улице и за каждым углом, подумала Лия, увидев в открытом окне голый животик двухлетнего малыша и машинально подсчитав количество этажей до земли. Малыш тем временем оперся ручками на подоконник и восторженно крутил белокурой головкой.

Четыре этажа. Он упадет с четвертого этажа.

Фтор светло-желтый, хлор желто-зеленый, а бром красно-коричневый.

12 *Мэдди Мортимер*

Девочка в синей школьной форме громко читала своей подружке лекцию о химических элементах.

Выходит, чем ниже галоген в таблице, тем он темнее.

Густые прямые ресницы девочки сцеплялись, когда та моргала, а еще у нее был прекрасный юный профиль, резко выделявшийся среди массы ждущих на светофоре лиц, которые уже начинала искажать досада. Как трудно, подумала Лия, как это трудно — не отвлекаться без конца на красоту.

Малыш слез с подоконника и исчез, окно закрыли.
Фух.

Лия глубоко втянула воздух через нос, сосредоточившись на том, как раздаются ребра и раскрывается грудная клетка. Задержала дыхание. Жаркий бензиновый воздух потрескивал. Прошло два года с тех пор, как она ходила по этим улицам. Пересекала дорогу на этом светофоре. Два года с тех пор, как сидела в кабинете врача и глазела на снимки своего тела и мозга, закрепленные на светящемся экране, показывая пальцем на плавающее где-то посередине темное пятно. *«Это мозолистое тело, — объяснил врач. — Совершенно не о чем беспокоиться.* (Долгий, восхитительный выдох.) *Плотное сплетение нервных волокон, соединяющее правое и левое полушария».*

В потоке машин наметился просвет: свободная дорожка от одного края дороги до другого. Зеленый все не включался. Мужчина с тусклой кожей бросился через дорогу, и девочка в синей школьной форме побежала следом, увлекая за собой подружку. Тут Лия

заметила машину, быстро выезжающую из-за угла. Она заранее увидела столкновение; его неизбежность шквалом обрушилась на ее легкие, как бывает, когда дождь внезапно перерастает в нечто большее, чем дождь.

Горловой скрежет тормозов. Отложенный звук удара. Выгиб подломившихся щуплых коленок — и тело девочки на асфальте. Лия ощутила, как время складывается, секунды сгибаются пополам. *О боже*, громко прохрипел возле самого уха чей-то телефонный голос, но подойти ближе Лия не успела, тротуар и проезжая часть наводнились людьми, когтями продирающими, зубами прогрызающими себе путь к месту кровавого происшествия, — так крысы сбегаются к рассыпанным на земле хлебным крошкам.

Лию затошнило.

Девочка умерла. Лия это знала. Она почувствовала, как воздух посвежел, как замедлили бег облака; головокружительные перемены происходят в атмосфере, когда в обычный день врывается трагедия. Люди вокруг будто множились, и Лия могла думать лишь об одном — эта девочка уже никогда не расскажет родителям о том, как прошел ее день. Никогда не сдаст экзамен по химии, не влюбится и не узнает, каково это — подцепить половым путем какую-нибудь пакость. Она никогда не поедет в Манчестер учиться на врача, не станет медиком и никому не спасет жизнь, и, возможно, в будущем немало людей погибнет только потому, что мужчине с тусклой кожей приспичило перебежать дорогу на красный, а девочка в синей школьной форме, зная наизусть таблицу Менделеева, рванула за ним на про-

езжую часть, и Лия увидела, как полыхнули и в один миг погасли — будто не было — все сияющие возможности и перспективы ее жизни.

Она представила, как будет ужасно вместе с остальными крысами подойти к девочке, бережно отвести в сторону упавшие на лицо волосы и обнаружить, что это Айрис, ее дочь Айрис, в глазах которой больше нет ни капли жизни.

Организм работает как часы! говорил врач. *Мозг безоблачно чист, здоров и счастлив!*

Можно подумать, так бывает.

Толпа немного поредела, и Лия наконец увидела девочку: та поднялась на ноги, совсем как Айрис годика в три-четыре вставала после очередного падения. *Все хорошо*, сказала она, отряхиваясь, целая и невредимая. Кто-то предложил осмотреть ее коленки. *Все хорошо*, повторила она, только громче и жестче; щеки у нее пылали от шока.

Лия не верила своим глазам. Такое облегчение... но с крошечной ноткой досады.

Подруга оттащила девочку на тротуар, и обе истерически захохотали — свирепый город тут же сожрал и перемолол этот кошмарный звук. Зеваки быстро разошлись: каждый потопал своей дорогой, пристыженный собственной кровожадностью. Лия ощутила, как по краям улицы все остывает и успокаивается, а разум потихоньку собирает ненадолго расплзшиеся в сто-

роны мысли; светофор переключился с хлора на фтор,
затем загорелся бромом,
а мир вокруг загудел ниже
на три октавы.

Когда она наконец перешла улицу, разум остановился на
Йейтсе.

Те слова принадлежали Йейтсу.

А философа она так и не вспомнила.

Она не отрывала глаз от асфальта, пока не добралась до
больницы.

Врач сказал, у него плохие новости.

Рак вернулся.

Больше Лия ничего не услышала.

Из комнаты внезапно высосало все звуки.

Она слышала только леденящее душу хихиканье той
девочки, что не умерла. Сперва едва различимое.
Постепенно оно стало звучать все громче и отчетливей,
сливаясь с голосами других обитателей Лондона, кото-
рым в тот день посчастливилось не умереть. Их скорб-
ные причитания, накатывая волна за волной, метались
между кирпичом и стеклом городских стен, а потом
хлынули в приоткрытое больничное окно и заполнили
собой каждый квадратный дюйм кабинета: